

Историческая социология несвободы?*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СЕРГЕЕВ С. М. (2023). РУССКОЕ САМОВЛАСТИЕ. ВЛАСТЬ И ЕЕ ГРАНИЦЫ: 1462-1917. М.: ЯУЗА-КАТАЛОГ. — 576 с. ISBN: 978-5-00155-549-0

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Адрес: ул. Мясницкая, 20, Москва, 10100, Россия
E-mail: kildyushov@mail.ru

Рецензируемая книга продолжает цикл работ автора, посвященных макроисторическому исследованию структурных проблем русского прошлого. Так, заметным событием отечественной интеллектуальной жизни стал выход в 2017 году его работы «Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия»¹, которая вызвала интенсивное обсуждение и в профессиональном сообществе, и среди широкой общественности². За ней последовал сборник статей «Русская нация. Национализм и его враги»³, в основном уточняющий и научно фундирующий основные положения предшествующего сочинения. Весь многолетний цикл исследований известного историка и публициста, крупного специалиста в области истории русской общественной мысли, русского национального сознания и нациестроительства, был начат им почти 20 лет назад — в 2000-х годах⁴.

Новый труд Сергея Сергеева также ожидаемо был встречен публикой с критическим интересом, уже появились первые развернутые отклики на него в научно-исторической периодике⁵. Наверняка последует дальнейшая реакция со стороны профессиональных историков, для многих из которых проблематичной является сама хронологическая рамка книги, охватывающая почти 500-летний период русской государственности. Попытаемся здесь кратко показать значимость такого рода макроисторических работ именно с точки зрения исторической социологии, в значительной мере выполняющей сегодня функции аналитической философии истории. Очевидно, что дисциплинарная специфика современной исторической

---

* Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Стратегии нормализации повседневности в чрезвычайных ситуациях: инерция аффекта и открытость вызовам», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2023 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

1. Сергеев С. М. (2017). Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия. М.: Центрполиграф.
2. В качестве примера см. наш отклик на данную работу: Кильдюшов О. В. (2017). От макроистории — к исторической макросоциологии: к эвристике нового исследовательского направления // Социологическое обозрение. Т. 16. № 2. С. 348-353.
3. Сергеев С. М. (2017). Русская нация. Национализм и его враги. М.: Центрполиграф.
4. Сергеев С. М. (2004). Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень; Сергеев С. М. (2010). Пришествие нации? М.: Скимень.
5. Беляков С. С. (2023). «Русское самовластие» Сергея Сергеева // Историческая экспертиза. № 2. С. 233-245.

науки неизбежно ведет к ее постоянной дифференциации на все более специализированные сегменты знания, требующие особой теоретической и методической квалификации — уже в силу пространственной, темпоральной и содержательной локализованности предметов исследования. Напротив, социология — начиная с фундаментальных работ Макса Вебера по сравнительному анализу духовных культур⁶ — изначально требовала масштабной рамочной перспективы генезиса и динамики современных обществ, не ограничиваясь отдельными эмпирическими работами на узкоспециальные темы. В этом смысле — вопреки известному и совершенно ошибочному тезису Жан-Франсуа Лиотара об избыточности попыток целостных интерпретаций⁷ — «большие повествования» структурно встроены в теоретическую конституцию социологического самоописания модерна как качественно новой эпохи. Ведь даже самый удачный анализ конкретного сегмента социальной практики обретает смысл лишь в контексте общей картины исторической реальности, задающей рамочную возможность осмысленной эмпирической интерпретации отдельных кейсов и сюжетов. С этой точки зрения структурно неизбежными и тесно связанными являются макросоциологическая постановка вопроса — «В каком обществе мы, собственно, живем?» и постановка вопроса макроисторическая — «Как наше общество пришло к своему нынешнему состоянию?». Исследовательская задача новой книги Сергеева столь же макроисторична — в ней он пытается реконструировать генеалогию и феноменологию русской политической власти, на его взгляд, уникальную по своему конституирующему воздействию на русское общество на протяжении многих веков.

Несмотря на преобладание узкоспециализированных и даже микроисторических подходов в современной историографии, объявляющих научно бессмысленным рассмотрение исторических феноменов на таком огромном промежутке времени хотя бы и в отдельно взятой стране — в случае Сергеева это организация политического господства в России с середины XV века до начала века XX, — существует и противоположный запрос на масштабное изображение в виде более или менее целостной картины прошлого человечества или отдельных его частей. Помимо по-прежнему популярных курсов национальной истории в жанре «от Адама до Потсдама» или отраслевых историй, здесь можно вспомнить еще более амбициозные проекты вроде *Global History*⁸, увязывающей весь мир в единое целое, или даже *Big History*, пытающейся интегрировать в общий нарратив события естественной и культурной истории⁹.

В этом смысле макроисторическое исследование политической власти, осуществленное в рецензируемом сочинении, является вполне легитимным как

6. Вебер М. (2017). Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм / Пер. с нем. О. В. Кильдюшов. СПб.: Владимир Даль.

7. Лиотар Ж.-Ф. (1998). Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии»; СПб.: Алетейя.

8. *Geschichte der Welt*. (2012–2023). Hrsg. von Akira Iriye und Jürgen Osterhammel. 6 Bde. München: C. H. Beck.

9. *Christian D.* (2018). *Origin Story: A Big History of Everything*. New York: Little, Brown and Company.

с точки зрения предмета, так и метода. Здесь достаточно вспомнить масштабный проект исторического социолога Майкла Манна «Источники социальной власти»¹⁰, на которого Сергей Сергеев неоднократно ссылается. Более того, несмотря на ожидаемо негативную реакцию многих отечественных историков-пуристов, эпистемологически несколько наивно и провинциально настаивающих на методологической чистоте своей дисциплины, среди крупных исследователей русского прошлого можно с некоторой осторожностью зафиксировать долгожданный тренд на социологизацию научно-исторического нарратива. Речь идет не только об эксплицитном позиционировании себя некоторыми социальными историками в качестве исторических социологов — в виде самого яркого примера можно привести известного петербургского исследователя Б. Н. Миронова, автора рубежной для советской науки работы «Историк и социология»¹¹ и современного учебника «Историческая социология России»¹², сам концептуальный язык которого ориентирован на дискурс модерна / модернизации¹³. Активное применение социально-теоретической и социологической оптики можно обнаружить в недавних работах профессора ЕУСПб М. М. Крома¹⁴, успешно интегрирующего в свои исследования подходы исторической антропологии, исторической компаративистики и т. д., а также в лекционном цикле «История России: главное», который профессор СПбГУ К. Б. Назаренко ведет в рамках популярного интернет-проекта «Цифровая история», и др.

Социологический интерес к истории обусловлен как содержательно, так и генеалогически — отцы-основатели дисциплины вроде Макса Вебера пытались аналитически описать и каузально объяснить происходившие на их глазах фундаментальные трансформации способов социальной организации, труда и социального действия. При этом одним из центральных вопросов классики является появление в Новое время в Европе рационально организованного государства современного типа, беспрецедентного с точки зрения предшествующего исторического опыта. Неслучайно Сергеев начинает свое теоретическое введение «Предположения о природе русской власти» с классического веберовского определения, данного в § 16 «Основных социологических понятий»: «Власть означает любой шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопротивлению, на чем бы такой шанс ни был основан». Вслед за ним автор дает не менее хрестоматийное определение господства, понимаемого Вебером как «шанс встретить повиновение у определенных лиц приказу известного содержания», отмечая специфику государственного господства в том, что оно «с успехом

10. Манн М. (2018). Источники социальной власти. В 4 т. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

11. Миронов Б. Н. (1984). Историк и социология. Л.: Наука.

12. Миронов Б. Н. (2009). Историческая социология России. СПб.: Издательский дом СПбГУ, Интерсоцис.

13. Миронов Б. Н. (2014). Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х тт. СПб.: Дмитрий Буланин; Миронов Б. Н. (2019). Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин.

14. Кром М. М. (2018). Рождение государства: Московская Русь XV-XVI веков. М.: Новое литературное обозрение.

пользуется монополией легитимного физического принуждения для осуществления порядка» (с. 7-8).

Отталкиваясь от этих канонических для политической социологии дефиниций, Сергеев пытается объяснить феномен того уникального для европейского региона способа самовластного господства, что сложился в Московской Руси при потомках Дмитрия Донского. При этом в качестве нормативной формулы патримониальной власти любого русского правителя, инвариантной для автора на протяжении всего исследуемого периода, используется цитата из «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна: «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетёт он жестоким рабством... Все они называют себя холопами, то есть рабами государя...» (с. 48). В целом критический западный взгляд на русскую систему господства широко представлен в книге множеством оригинальных цитат из сочинений иностранцев, которых патриотическая общественность обычно воспринимает в качестве патентованных русофобов, злонамеренно клеветавших на историческую Россию. Другим важным элементом исследования является компаративный подход, т. е. систематическое сопоставление автором девиантных отечественных практик радикального самовластия с более умеренными европейскими, выступающими в качестве исторически «нормальных» и ценностно нормативных. К сожалению, в работе можно найти гораздо меньше сравнений московской политической системы с соседними восточными странами, что эвристически могло бы дать не менее интересный результат...

Таким образом, рамочная концепция исследования Сергеева воспроизводит классический топос русской мысли, описывающий самодержавные практики, начиная с Ивана III, как ничем не ограниченный произвол верховной власти или тиранию — если говорить языком восходящей к Аристотелю западной традиции политической философии. Автор признает, что данный способ интерпретации вполне устойчив для части отечественной историографии и аргументативно восходит к публицистике XVI века. В этом смысле исследователь опирается на мощную литературную традицию и ставит перед собой цель фактологического фундаментирования данной концепции, опираясь на оригинальные исторические источники и авторитетные научные исследования. При этом он пытается максимально дать слово современникам описываемых событий, чтобы они сами свидетельствовали о своем опыте взаимодействия с московскими великими князьями/царями и петербургскими императорами.

В соответствии с хронологическим принципом книга разбита на 8 глав, посвященных определенному периоду русской истории: 1462–1546, 1547–1613, 1613–1698, 1698–1725, 1725–1801, 1801–1855, 1855–1894 и 1894–1917. Здесь следует сказать, что такой рубрикатор явно неудачен в том смысле, что собственно даты не заменяют качественной характеристики того или иного этапа эволюции политической системы России.

Концептуальное ядро авторского подхода формулируется во Введении, где Сергеев прямо рекомендует читателям, интересующимся лишь его объяснитель-

ной схемой, ограничиться этой вводной частью работы. Наиболее социально-теоретические релевантные положения содержатся именно здесь, поэтому обратимся к основным характеристикам московской системы господства, унаследованной петербургской империей Романовых:

1. Вслед за Максом Вебером Сергеев считает русское самодержавие разновидностью *патримониализма*, т. е. одной из форм традиционного господства, при которой подданные подчиняются правителю по модели «глава семьи — дети и домочадцы»¹⁵. Однако в отличие от простейшей формы традиционного господства, т. е. патриархализма, ограниченного домашним союзом большой семьи, в случае патримониализма речь идет о распространении власти верховного правителя на основе полного частного владения и распоряжения на обширные политические единства.
2. Следующий важнейший признак московской власти — ее *надзаконность*, отсутствие какой-либо юридически обязывающей фиксации границ и объемов полномочий правителя, с одной стороны, и прав и привилегий подданных — с другой, что неизбежно порождало массовые практики административно-полицейского произвола в центре и на местах.
3. *Авто- и моносубъектность* власти, ее ориентация на саму себя в качестве основного мотива господства, недопущение появления других политических акторов, что во властной практике постоянно приводило к уничтожению любых форм самоорганизации — от местного самоуправления до земств.
4. *Сакрализация* власти верховного правителя, выступающего самостоятельным объектом культа в рамках политически контролируемой религиозности. И хотя Сергеев признает, что подобные феномены были характерны для многих стран и эпох, в том числе европейского Средневековья, он отмечает чрезвычайно высокую степень сакрализации в России, вплоть до обожествления фигуры царя.
5. Парадоксальный *разрыв между уровнем властных компетенций*, связанных со способностью к интенсивному государственному насилию в отношении подданных (деспотическая власть, по М. Манну), и способностью решать их проблемы и координировать деятельность общества (инфраструктурная власть). Сергеев указывает на то, что спорадическая интенсивность насилия не компенсировала общую неэффективность властной организации — несмотря на косметические изменения во внешнем облике, Россия веками оставалась одной из самых недоуправляемых стран.

В сильной форме тезис Сергеева заключается в следующем: подобная исторически уникальная для Европы констелляция ничем не ограниченного господства, контингентно возникшая в Москве во второй половине XV века, структурно вос-

---

15. В веберовской ориентированной социологии второй половины XX века получил широкое распространение термин «непатримониализм», часто применяемый и к постсоветским режимам власти-собственности.

производилась на протяжении нескольких веков русской истории, вплоть до свержения монархии поздних Романовых в 1917 году.

Естественно, такого рода феномен устойчивого деспотического правления среди модернизирующейся Европы Нового времени, радикально отличный от политических систем всех соседей-конкурентов, требует серьезного научного объяснения. Сергеев и здесь обращается к огромной историографической традиции и обнаруживает несколько сложившихся топосов:

— особенно популярный в XVIII–XIX веках географический подход, объясняющий стабильное воспроизводство деспотических форм скудостью ресурсов вследствие неудачного для интенсивного сельскохозяйственного производства климата Северо-Восточной Руси;

— военно-политический фактор в виде экстремального уровня внешней опасности, вынуждавшего государственную власть постоянно вести войны с агрессивными соседями или готовиться к ним, непродуктивно растрачивая тем самым и без того ограниченные ресурсы, необходимые для развития в общеевропейском духе;

— многовековая политическая зависимость Руси от внешнего господства вследствие монгольского завоевания («золотоордынское иго»), катастрофического как по одномоментным потерям, так и по долговременным последствиям; в результате нашествия русские князья выполняли для татар функции колониальной администрации (управление уделами, сбор дани, выставление воинских контингентов в интересах Орды и т. д.);

— культурно-дискурсивная зависимость от Византии, лишившая Русь доступа к римскому политико-правовому наследию и обусловившая слабость русского легалистского сознания, а также специфическую форму религиозности в виде внешней набожности и т. д.

Автор разумно отказывается считать определяющим лишь один из перечисленных факторов, предпочитая говорить об их наложении друг на друга (Макс Вебер в этом смысле говорил о *конstellации*): «Таким образом, сочетание внешнего (монгольское иго) и внутреннего (упадок вечевой жизни, слабость «легального» дискурса) факторов выработало у московских государей уникальную (по крайней мере для христианского мира) политическую культуру, основанную на неограниченности их власти» (с. 47).

Стоит ли говорить, что такого рода авторская концепция неизменной деспотичности русской власти, пусть и опирающаяся на целый ряд выдающихся русских историков (Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, В. И. Сергеевича и др.), считавших, что московская политическая система претерпела деформацию в результате монгольского нашествия, не могла не вызвать целый ряд возражений различного уровня.

Своего рода «боевое крещение» содержательное ядро книги получило в результате интенсивного обсуждения, состоявшегося 25 февраля 2021 года на площадке Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в рамках цикла семинаров Logi-

са *Socialis*. В разгоревшейся дискуссии приняли участие не только социологи-теоретики, но и историки, и юристы, которые из своих дисциплинарных перспектив выдвинули несколько содержательно значимых возражений. Так, автор этих строк поставил вопрос о (дис)континуитете структур господства, анализируемых Сергеевым: была ли это социально-феноменологически одна и та же власть, сохраняющая единство на протяжении многих веков, или речь идет о множестве несводимых к одному целому феноменов господства? Ведь очевидно, что основные группы интересов, политические техники и способы легитимации власти сильно отличались, например, при Иване Грозном и Николае I! Насколько социологически осмысленно говорить о русской верховной власти как о целостном феномене на протяжении половины тысячелетия?! В ответ Сергеев выдвинул предположение о существовании некоего «неразложимого ядра» российской власти, которое, несмотря на попытки трансформации и внешние изменения, сохраняет единство и удерживает в своей основе определяющий принцип самовластия и надзаконности.

Возражения других участников дискуссии касались целого ряда проблемных моментов предложенной концепции: общего уровня юридизации политического в Средние века (развитие государственного права приходится на XIX–XX века, тогда как ранее большее развитие получило гражданское право и уголовное право), религиозного фактора как ограничителя власти через ее сакральную санкцию (венчание на царство), ненормальности именно западного исторического опыта (радикальное отличие европейского пути от большинства культурных регионов), нормативной значимости в древности не писанного права, а устного и обычая (отсутствие фиксации обычного права), проблематичность современного взгляда на прошлое как «неправильное» (при модернизации оптики игнорируется та локальная и историческая специфика, которая, собственно, является предметом исследования) и т. д.

Дискуссию завершил руководитель Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ А. Ф. Филиппов, указавший на необходимость отдельного рассмотрения политического опыта в Российской империи, в которой предпринимались сознательные попытки создания структур полицейского государства европейского типа с ориентацией на западные представления о благе и безопасности. По крайней мере частично этот перенос состоялся и, несмотря на многочисленные неудачи, сам факт соответствующих попыток значим при разговоре о природе русской власти. Также профессор Филиппов отметил неоднородность в самой аргументации Сергеева: произвол на местах, отсутствие юридического обоснования власти или отсутствие правовых трактатов, свидетельства иностранцев о случаях злоупотребления властью — все это факты, лежащие на разных уровнях анализа. Еще одно замечание относилось к самой природе власти и ее устройству: социологически невозможно представить, чтобы государство, оказавшееся способным к расширению своих границ, успешному ведению многочисленных войн и существовавшее в течение столь длительного периода, держалось на одном лишь самоволии

и произволе власти. Уже поэтому концепция неразложимого и неизменного ядра власти, к тому же сводимого только к совокупности негативных характеристик, оказывается в затруднительном положении и нуждается как минимум в критическом осмыслении...

2 марта 2023 года на презентации уже вышедшей книги в московском книжном магазине «Фаланстер» прошло еще одно обсуждение, в ходе которого в центре внимания оказался все тот же круг вопросов: является ли западный исторический опыт нормативным, было ли чрезвычайное насилие со стороны верховной власти чисто русским феноменом и т. д. Автор этих строк также воспроизвел свое основное возражение именно из перспективы исторической социологии: ведущие социальные силы и их интересы, ресурсы и техники господства — все эти характеристики сильно менялись на протяжении веков, поэтому необходима большая дифференциация аналитической оптики. В ответ на прозвучавшие замечания и контрдоводы автор в основном воспроизвел аргумент, прозвучавший ранее.

В заключение следует отметить, что осуществленные в книге С. М. Сергеева подробная экспликация и дальнейшее развитие классического топоса русской историографии и историософии о природе власти оказались чрезвычайно продуктивными уже на новом уровне фактических знаний о прошлом русской государственности. Особый вклад в расширение и углубление наших представлений о генеалогии, формах легитимации и реальных практиках господства в России может внести историческая социология, интегрирующая методы и подходы современного социального знания¹⁶. Остается только надеяться на дальнейшую социологизацию отечественного научно-исторического познания, сулящую нам новые открытия, казалось бы, в уже хорошо изученном проблемном поле. И ожидать новых острополемиических работ автора, провоцирующих живую дискуссию о далеком русском прошлом как актуальной проблеме нашего настоящего.

Historical sociology of unfreedom?

Book review: Sergeev S. M. (2023) *Russian autocracy. Power and its limits: 1462-1917*. Moscow: Yauza-catalogue. — 576 p. ISBN: 978-5-00155-549-0. (In Russian).

Oleg Kildyushov

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

---

16. Лахман Р. (2016). Что такое историческая социология? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Правда Нормана Дензина: введение в научный некролог

Рогозин Дмитрий

Кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Адрес: Пречистенская набережная, 11, корп. 1, Москва, 119034

E-mail: rogozin@ranepa.ru

Жадный, любопытный, случайный, не знавший иного закона, кроме закона наслаждения, мгновенно наступавшего равнодушия, он странствовал во многих землях и глядел, с того и другого берега моря, на города людей и их дворцы. На многолюдных рынках или у подножия горы, чья уходившая в облака вершина скрывала сатиров, он слушал запутанные истории, принимая их, как принимал реальность, и не спрашивал, правдивы они или лживы.

Хорхе Луис Борхес «Делатель»

Смерть ученого, как правило, сопровождается чередой некрологов — свидетельств близких и далеких ему людей о славной жизни и безвременной кончине. Жанр некролога, как «последней мистификации, посланной как бы вдогонку», прекрасно резюмировал Г. С. Батыгин. Что должен содержать некролог? «Научные регалии, формулы открытий, упоминания в учебниках, тома сочинений, перечисление правительственных наград и почетных званий» (Батыгин, 2003: 115) — все то, что конструирует как бы эпоху, которая безвозвратно уходит с почившим ее ярким представителем.

«С таким человеком уходит эпоха» — более чем подходит к Норману Дензину, для многих олицетворявшему борьбу за качественные методы, отцу-основателю интерпретативной и интеракционистской традиций в качественной методологии, ни разу не отказавшемуся от базового гуманистического принципа: прежде всего человек, уже потом наука, измерение, развитие и содействие какой бы то ни было исследовательской программе или направлению. Еще при жизни Норман Дензин вошел в число классиков методологии качественных исследований: не столько своими уникальными исследовательскими проектами, которых, к слову, было немало, сколько менторской, коллективной работой по институционализации, систематизации и реификации качественного подхода.

Вершиной этого можно считать пятикратно переизданный сборник по качественным исследованиям (*Handbook of qualitative research*, 2017, 2023), который уже три десятилетия репрезентирует методологию качественных исследований. Переиздания сборника особенны: в них нет повторяющихся текстов, за исключением